



ГОРЬКАЯ ВОДА

или Как мы чуть не стали
Валютой

Сергей Диковинный



Сергей Диковинный

**Горькая вода, или Как мы
чуть не стали валютой**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Горькая вода, или Как мы чуть не стали валютой /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Пятеро студентов нажимают кнопку, о которой им сказали «никогда не нажимай». И попадают в самую вкусную историю человечества. От горькой браги древних ольмеков до первой шоколадной плитки и молочного шоколада — они пройдут весь путь какао-боба, чтобы узнать: шоколад не всегда был десертом. Иногда он был деньгами. Иногда — ритуалом. Иногда — афродизиак для императора с пятьюдесятью чашками в день. А иногда — единственным способом выбраться живыми из прошлого. Особенно если с тобой кот в тельняшке, который ворчит, философствует и почему-то всегда знает, куда идти.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Алиса спрашивает, никто не знает, Лёха жмёт	5
Глава 2. Горькая вода, или Дар богов с неприятным послевкусием	8
Глава 3. Кролик, раб и пятьдесят чашек, о которых все пожалели	11
Глава 4. Испанцы, какао-плантация и кот, который знал, что делать	14
Глава 5. Сахар, молоко и кот, который всё-таки уходит	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Горькая вода, или Как мы чуть не стали валютой

Глава 1. Алиса спрашивает, никто не знает, Лёха жмёт



Всё началось, как всегда, с Алисы.

Она сидела на подоконнике в общажной кухне, болтала ногой в тапке и ела шоколадную конфету — ту самую, из подарочной коробки, которую Соня прятала от всех на верхней полке. Прятала, разумеется, плохо.

— Слушайте, — сказала Алиса задумчиво, разглядывая обёртку на свет. — А откуда вообще взялся шоколад? Ну вот реально. Кто это придумал?

Повисла пауза. Такая, знаете, густая, как какао без молока.

Лёха, развалившийся на диване в позе уставшего тюленя, поднял один глаз.

— Из магазина.

— Не, — не согласилась Алиса. — До магазина. Вообще. Откуда?

Соня оторвалась от ноутбука, где что-то печатала со скоростью машинистки, и посмотрела на конфету в руке Алисы с выражением человека, у которого только что на глазах ограбили сейф.

— Это, — сказала она ровно, — была *последняя* вишней.

— Наука требует жертв.

— Наука требует, чтобы ты спросила разрешения.

Егор, сидевший за столом с чашкой чая и, судя по всему, готовый разразиться монологом, всё-таки разразился:

— Вообще-то, если по-научному, то какао — это *Theobroma cacao*, «пища богов», и первыми его начали использовать ещё ольмеки, но точных данных нет, и есть версия, что—

— Егор, — сказала Соня.

— — что это был вовсе не напиток, а брага, потому что они заливали плоды водой и ждали, пока забродит, и—

— Егор.

— ...и получался слабоалкогольный. Так что технически первый шоколад был *алкогольным*.

Все на секунду задумались.

— Мне уже нравится эта история, — сказал Лёха и сел.

Кот-мореход — крупный, усатый, в тельняшке, которую он, кажется, не снимал никогда, — лежал на холодильнике, свесив хвост. Хвост подрагивал. Кот открыл один глаз, посмотрел на людей взглядом существа, которое всё это уже проходило, и произнёс:

— Вы, я смотрю, опять что-то задумали. Я так и знал. Ещё утром знал. По запаху.

— А какой у нас запах? — обиделась Алиса.

— Приключением, — вздохнул Кот. — И глупостью. В равных пропорциях. Как в дешёвом коктейле.

Макс, до этого молча чинивший на коленке ремешок часов, поднял голову ровно настолько, чтобы посмотреть на всех по очереди.

— Если вы сейчас нажмёте кнопку, — сказал он спокойно, — я хочу, чтобы вы знали: у нас есть ровно один отход, и я его просчитаю заранее.

— Ты всегда так говоришь, — отмахнулся Лёха.

— И всегда оказываюсь прав.

Лёха уже тянулся к кнопке. К той самой кнопке. Заветной, запрещённой, обклеенной скотчем, на котором Соня собственной рукой написала: «НЕ НАЖИМАТЬ. Я СЕРЬЁЗНО.»

Скотч отходил по углам. Скотч был обречён.

— Лёха, — сказала Соня предупреждающе.

— Лёха, — сказала Алиса заинтересованно.

— Лёха, — сказал Егор. — Вообще-то, тут стоит уточнить, что если мы хотим в Месоамерику, то это примерно три тысячи лет назад, а если к ольмекам, то—

Лёха нажал.

Кнопка — надо отдать ей должное — отозвалась достойно. Не щёлкнула. *Звякнула*. Как дорогой бокал, в который только что налили что-то очень старое и очень горькое.

— ...то мне нужна была минута на подготовку, — закончил Егор уже в пустоту.

Потому что кухни уже не было.

Были джунгли.

Влажные, зелёные, пахнущие землёй, гниющими листьями и — да, вот это самое интересное — брожением. Где-то совсем рядом что-то кисло, булькало и явно настаивалось.

Кот, который единственный не потерял равновесия и сидел на ближайшей ветке как ни в чём не бывало, принюхался и произнёс с явным отвращением:

— Пахнет, как у Славика после защиты диплома.

— Кто такой Славик? — спросила Алиса.

— Долгая история. И, к счастью, не моя.

Лёха огляделся, счастливый, как ребёнок в кондитерской. Перед ними стояли невысокие люди в набедренных повязках, сосредоточенно давившие что-то в больших глиняных сосудах. Над сосудами висел густой, терпкий, чуть шоколадный дух. Один из людей — постарше, с серьгой из зелёного камня — обернулся.

И посмотрел на пришельцев безо всякого удивления.

— О, — сказал он на неизвестном языке, который наши герои, впрочем, прекрасно поняли, — ещё одни. Из будущего? Проходите, всё равно все уже забродило.

Соня закрыла лицо руками.

Макс посмотрел на часы.

Кот слез с ветки, отряхнул тельняшку и произнёс то, что станет девизом всех последующих глав:

— Ладно. Только примус я с собой не брал. Это была ошибка.

Глава 2. Горькая вода, или Дар богов неприятным послевкусием



Джунгли жили своей жизнью и на наших героев внимания не обращали. Лианы свисали так низко, что норовили заехать по лицу, воздух был густой, как кисель, и в этом воздухе висело непрерывное, монотонное жужжание — будто сама земля что-то бормотала себе под нос.

Человек с серьгой из зелёного камня — его звали Тлалок, и он, к общему удивлению, совершенно не собирался никого приносить в жертву, — усадил их на циновки в тени огромного навеса из пальмовых листьев и поставил перед каждым маленькую глиняную чашу.

В чашах было что-то тёмное. Пахло это «что-то» горько, терпко и слегка так, как будто земля решила поделиться с тобой самым сокровенным.

— Какава, — произнёс Тлалок с уважением, каким обычно говорят о вещах очень дорогих и очень опасных. — Ольмеки научили. Мы — продолжили.

Лёха, не раздумывая ни секунды, поднял чашу.

— Лёха, — сказал Макс, не отрывая взгляда от часов. — Не пей на пустой желудок то, что три дня бродило в глине.

— Это же исторический момент, — сказал Лёха. — Наука. Эксперимент.

— Это, — вмешался Егор, — вообще-то, не напиток в современном смысле. Ольмеки заливали мякоть плодов водой и ждали естественного брожения. Получалась, по сути, слабо-алкогольная брага. Так что технически, Лёха, ты сейчас пьёшь нечто среднее между вином и кефиром, только очень древним и очень горьким.

Лёха сделал глоток. #

Его лицо прошло через несколько выражений подряд — от восторга первооткрывателя до сожаления человека, который зря не послушал Макса. Во рту осела горечь, смешанная с чем-то кислым и далёким, как воспоминание о неудачном свидании.

— Это... — он подобрал слово, — ...характерно.

— «Характерно», — задумчиво повторила Соня, отпив из своей чаши почти незаметно, как человек, который решил для себя, что лучше умереть культурно, чем показаться трусихой. Потом её брови поднялись. Потом опустились. Потом она сказала ровно: — Это ужасно. Но я почему-то хочу ещё.

— Вот, — кивнул Тлалок. — Все так говорят.

Кот, который устроился в стороне и не пил ничего, кроме того, что боги ему послали в виде случайной рыбки, обвил хвостом передние лапы и заметил:

— Напоминает мне одну историю. Один моряк как-то варил кофе из того, что имелось. Потом двадцать лет был трезвенником. Не потому, что завязал, а потому, что после того кофе ничего не мог.

— Ты нам это сейчас рассказываешь к чему? — спросила Алиса.

— К тому, что вы пьёте то, что ольмеки залили и забыли, — ответил Кот. — Но я вас не отговариваю. Я вообще наблюдатель.

Между тем вокруг становилось оживлённее. Люди в набедренных повязках сновали туда-сюда, что-то толкли в деревянных ступах, что-то переливали из больших сосудов в маленькие, и все они кидали на пришельцев такие взгляды, будто прикидывали, не стоит ли принести их в дар уже не шоколатлю, а кому-нибудь посерьёзнее.

— Так, — сказал Макс, закрывая крышку часов. — У нас приблизительно сорок минут, прежде чем кто-нибудь задаст нам вопрос, на который мы не сможем ответить. План: осмотреться, понять, где выход, и не нажимать ничего. Вообще ничего. Лёха, это про тебя.

— Я уже ничего не трогал, — обиделся Лёха.

— Ты *ничего не трогал* шесть минут назад, когда влез в чужой горшок, — напомнила Соня.

— Я хотел посмотреть, что там внутри.

— И что там было?

— Ещё один горшок.

Алиса, которая уже успела убежать вперёд и вернуться, прибежала с горящими глазами.

— Там дальше! Там целая церемония. Огромные чаши, там бобы какао, я видела, и кто-то очень важный, они все ему кланяются. Только... — она замялась.

— Только что? — спросила Соня.

— Пить только жрецам можно. И вождям. И знати. Нам нельзя. Нам вообще-то нельзя было даже дышать рядом, но Тлалок почему-то разрешил.

— Потому что я вижу, кто передо мной, — спокойно ответил Тлалок, выходя из тени навеса. — Иногда боги посылают безумцев, чтобы те рассказали остальным, где пролегает граница. Вы — безумцы. И вы возвращаетесь назад.

— Мы возвращаемся назад, — согласился Макс.

— Мы возвращаемся назад *после церемонии*, — уточнила Алиса.

— Мы возвращаемся назад *до* церемонии, — отрезал Макс.

Кот потянулся, зевнул так, что показались все клыки, и встал.

— Я, пожалуй, прогуляюсь, — сказал он. — Мне интересно посмотреть, как вы будете объяснять жрецу, что вы пробрались к самому святому месту племени исключительно из научного любопытства.

Все посмотрели на Егора.

Егор, который уже открыл рот, чтобы что-то пояснить, закрыл рот.

Впервые за всё время.

Джунгли дышали. Где-то далеко ударил в барабан.

— Знаете, — сказала Алиса тихо, — я, кажется, начинаю понимать, почему испанцам тут так долго ничего не удавалось.

— Им удалось, — машинально поправил Егор. — Просто им сначала не понравилось.

— Замолчи, — хором сказали Соня и Макс.

Глава 3. Кролик, раб и пятьдесят чашек, окоторых все пожалели



Из лагеря ольмеков они ушли тихо, по-английски, то есть без прощания — Тлалок сам махнул рукой в сторону тропы, которая, по его словам, вела «туда, где бобов больше, а спокойствия меньше». Это было исчерпывающее описание, которое, впрочем, полностью оправдалось.

Тропа вывела их не куда-нибудь, а прямо на площадь. И площадь эта была совсем другой.

Здесь всё было иначе. Камни — не глина и не дерево, а настоящий тёсанный камень, уходящий ступенями куда-то вверх. Люди — выше, суровее, в плащах из хлопка, с перьями в волосах. А главное, воздух. Воздух здесь пах не брожением, а чем-то пряным, сухим, взбитым — как будто кто-то неустанно, часами, взбивал в чаше самую суть этого места.

На площади шевелилось движение, которое наши герои сначала приняли за рынок. И это действительно был рынок, только валютой здесь служили не монеты и не бумажки, а маленькие коричневые бобы, насыпанные в мешочки и рассыпанные по циновкам.

Лёха остановился как вкопанный.

— Погоди, — сказал он. — Это... это что, вот *это*— деньги?

— Какао-бобы, — кивнул Егор с таким видом, будто лично их вводил в оборот. — Ацтеки сделали их валютой. Причём реальной. Сто бобов — раб. Десять бобов — кролик. Четыре — курица. И ещё, что важно, они их *подделывали*. Есть свидетельства, что мошенники делали копии бобов из глины и воска.

— То есть, — медленно произнесла Соня, — у них была инфляция, фальшивомонетчики и биржа?

— У них была *экономика*, — с достоинством ответил Егор. — Просто она была вкусной. Лёха уже рылся в карманах.

— У меня же где-то были монетки, — бормотал он, — я же в курсе, я могу...

— Не смей, — сказала Соня, не поворачивая головы. — Ты не будешь менять двадцать первый век на кролика.

— Я хотел курицу.

— Ты хотел курицу *в прошлом*. У нас дома курица в морозилке.

— Это не то же самое.

Кот, до этого шедший вразвалку чуть позади, остановился и сел посреди площади. Полы его тельняшки легли на камни, усы встали торчком, а во взгляде появилось нечто среднее между восхищением и глубокой усталостью бывалого человека.

— Знаете, — сказал он, обводя площадь лапой, — я много где был. Но чтобы деньги *росли на деревьях*— это первый раз.

— Это не деньги, — поправил Егор. — Это бобы.

— А ты попробуй купить кролика за «бобы», — сказал Кот и замолчал. Он умел ставить точку там, где человек бы начал оправдываться.

Мимо прошёл человек в плаще, неся на плечах целую связку этих самых бобов, и посмотрел на наших героев долгим, оценивающим взглядом. Соня проследила за ним глазами.

— Мне кажется, — сказала она тихо, — он прикидывает, сколько нас можно обменять.

— За меня немного дадут, — вздохнула Алиса. — Я тощая.

— За тебя дадут *прилично*, — утешил Лёха. — Ты у нас одна конфеты находишь.

— Это называется *воровство*, — напомнила Соня.

— Это называется *находчивость*.

Дальше по площади, за низкой каменной стеной, начиналось что-то большое. Там, в тени навеса, на возвышении, сидел человек, вокруг которого стояли сразу несколько слуг с кувшинами, и человек этот не делал ничего — только пил. Пил медленно, с достоинством, отставляя чашу, глядя куда-то вдаль и снова беря чашу в руки.

Егор прищурился.

— Это, — сказал он с благоговением, — похоже на Монтесуму.

— Который? — спросила Алиса.

— Второй. Тот самый. Который, по легенде, выпивал до пятидесяти чашек шоколада в день.

Все замолчали. Даже Кот.

— Пятидесяти, — повторила Соня ровно. — Чашек. В день.

— По легенде, — уточнил Егор.

— По легенде или нет, но у него, — Соня кивнула в сторону навеса, — сейчас в руках, кажется, третья. И он не выглядит счастливым.

Лёха смотрел на это представление с нарастающим восторгом.

— Слушайте, — сказал он. — А давайте подойдём. Ну в смысле. Поближе. Там же сам Монтесума.

— Нет, — сказал Макс.

— Лёха, — сказала Соня.

— Один раз, — сказал Лёха.

— Нет, — сказал Кот.

Лёха сделал шаг.

Егор открыл рот, чтобы добавить что-то про то, что какао у ацтеков символизировало землю и женское начало, но передумал. Впервые за два дня он передумал *своевременно*.

Потому что в этот самый момент один из слуг у навеса обернулся — и посмотрел прямо на них.

Долгим, спокойным, очень внимательным взглядом.

Соня вздохнула.

— Макс, — сказала она. — Твой прогноз был сорок минут.

— Да, — ответил Макс, глядя на часы. — И у нас осталось ровно четыре.

— До чего? — спросила Алиса.

— До того, — ответил Макс, — как нас спросят, кто мы такие.

Кот встал, потянулся, зевнул так, что хрустнули усы, и сказал с искренним, глубоким удовлетворением человека, который давно ждал именно этого:

— Ну вот. Наконец-то что-то интересное.

Глава 4. Испанцы, какао-плантация и кот, который знал, что делать



То, что произошло дальше, Макс впоследствии называл «нарушением всех договорённостей, включая те, которые мы не заключали».

Слуга у навеса не поднял тревогу. Слуга у навеса просто *улыбнулся*— так, как улыбаются люди, которые уже видели в своей жизни достаточно странного, чтобы не удивляться ещё одному чуду. Он сделал знак рукой, и наших героев провели вперёд. Монтесума, надо отдать ему должное, отнёсся к пришельцам с вежливым безразличием. Он окинул их долгим взглядом, отметил тельняшку Кота, серьёзность Макса, растерянность Алисы, и сказал ровно одно слово:

— Ещё.

Слуги принесли ещё чаши. Наши герои, уже привыкшие к горькой воде, отпили — и на этот раз напиток оказался совсем другим. Густым, тёплым, пряным, с оттенком ванили и жгучей ноткой чили, которая не обжигала, а как-то уютно устраивалась на языке.

— Чоколатль, — пояснил Егор шёпотом. — Уже майя его так называли. «Горькая вода». Взбивают до пены, добавляют чили, кукурузную муку, иногда ваниль. Ритуальный напиток. Пить могут только жрецы, знатные и вожди.

— А мы? — спросила Алиса.

— А мы, — сказал Егор, — либо исключение, либо ошибка. Причём я не уверен, что это комплимент.

Монтесума слушал их разговор так, будто понимал каждое слово, но ничем себя не выдавал. А потом, без всякого перехода, заговорил — спокойно, размеренно, как человек, который привык, что его слушают без перебивания:

— Боги посылают нам странников. Иногда их надо слушать. Иногда — кормить. Иногда — приносить в жертву. Сегодня, — он отставил чашу, — я склоняюсь к третьему варианту.

Соня аккуратно поставила свою чашу на землю. Так, чтобы не звякнула.

— Макс, — сказала она очень вежливо, — твой прогноз.

— Уже прошёл, — ответил Макс.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

И тут — совершенно внезапно, как это обычно и бывает в истории, — на площади появились испанцы.

Они вышли из-за угла каменной стены, и это было похоже на то, как если бы в оперный зал зашёл медведь. Всё разом стало другим. Движения замерли, разговоры оборвались, слуги попрятались за колонны. Шлемы, кирасы, бороды, кресты — всё это производило впечатление такое же сильное, как и запах, который шёл от них на десять шагов.

Впереди шёл человек с наглым, чуть насмешливым лицом и абсолютной уверенностью в каждом шаге.

Егор прищурился.

— Это... — начал он.

— Да, — перебила Соня. — Это, скорее всего, тот самый, про которого ты нам сейчас начнёшь рассказывать факты. Пожалуйста, не надо.

— Но это важно! В тысяча пятьсот девятнадцатом году Кортес высадился в Мексике, и его встретил Монтесума, и угостил именно шоколатлем, и Кортес понял, что это...

— Егор.

— ...что это золото, только жидкое, потому что...

— Егор.

Кортес, к счастью, не понимал русского. Он оглядел площадь, оглядел Монтесуму, оглядел наших героев — и задержал взгляд на Коте дольше, чем на всех остальных. Кот выдержал этот взгляд с достоинством человека, который видел и не такое.

— Умное животное, — сказал Кортес по-испански — и наши герои, как и в случае с ольмеками, всё поняли.

— Умный животный, — отозвался Кот на чистейшем кастильском, которого он секунду назад не знал. — Будьте любезны, не путайте род.

Повисла пауза.

Монтесума, кажется, впервые за всё время *заинтересовался*.

Кортес, кажется, впервые за всё время *оценил*.

Соня закрыла лицо руками.

— Кот, — сказала она из-под ладоней, — ты понимаешь, что ты сейчас сделал?

— Наладил международные связи, — ответил Кот. — Это всегда полезно.

— Ты понимаешь, что это *не по плану*?

— План, — сказал Кот, — был у Макса. У меня была интуиция. Интуиция меня ещё ни разу не подводила.

Макс, который до этого молчал, посмотрел на часы. Потом на Кортеса. Потом на Монтесуму. Потом на Кота.

— Уходим, — сказал он. — Через десять минут. Ровно через десять. Все готовы.

— Куда? — спросила Алиса.

— Неважно куда. Важно — до того, как эти двое, — Макс кивнул в сторону Кортеса и Монтесумы, — решат, что мы — часть их переговоров.

Кортес уже шёл к Монтесуме медленным, уверенным шагом. Монтесума поднимался навстречу. В воздухе висело то напряжение, которое бывает перед очень большой историей, и всем нашим героям очень не хотелось участвовать в ней лично.

И тут Кот встал.

Он просто встал — и пошёл. Прямо между Кортесом и Монтесумой, поперёк самой середины площади, неспешно, вразвалку, как хозяин. Тельняшка слегка развевалась. Хвост держался строго вертикально. Это было не поведение кота. Это было поведение существа, которое знает про это место что-то, чего не знают остальные.

Кортес остановился.

Монтесума остановился.

Оба смотрели на Кота.

— Господа, — сказал Кот, не оборачиваясь, — если вы собираетесь начать большую историю, то хотя бы не при наших детях. Они сегодня уже выпили браги и чуть не стали валютой. Дайте им дойти до дома.

Кортес открыл рот. Монтесума тоже открыл рот.

Ни один из них ничего не сказал.

Кот пошёл дальше, к дальнему краю площади, где начиналась стена какао-деревьев. Он шёл ровно, спокойно, как будто знал дорогу. И — что самое удивительное — дорога действительно была. За деревьями оказалась узкая тропа, уходящая вверх по склону, и на этой тропе наши герои вдруг обнаружили ту самую точку, из которой всё началось, — еле заметное, чуть светящееся пятно воздуха, будто кто-то очень аккуратно проделал в мире небольшую дырочку.

Макс посмотрел на часы.

— Девять минут, — сказал он. — Успеваем.

Соня подхватила Алису за руку. Лёха подхватил под локоть Егора — на всякий случай, потому что Егор уже открывал рот, чтобы сказать что-то научное на прощание. Кот дошёл до пятна первым, обернулся и посмотрел на них с выражением, которое потом никто из них не смог точно описать. В нём было что-то очень старое. Что-то очень усталое. И что-то очень доброе.

— Ну? — сказал он. — Или вы хотите остаться и объяснить Кортесу, что такое инфляция?

Все шагнули вперёд.

Пятно воздуха мягко зажурилось — и площадь Монтесумы исчезла.

Глава 5. Сахар, молоко и кот, который всё-таки уходит



Пятно воздуха выплюнуло их не в джунгли и не на площадь, а прямо на кухню.

Ту самую. С облезлым линолеумом, с чайником, который Соня забыла выключить, с открытой коробкой конфет на подоконнике — той самой, из которой всё началось. За окном темнело. Судя по всему — тот же вечер. Как будто они и не уходили.

Только вот чайник успел остыть.

— Мы... — Алиса огляделась, — ...мы вернулись?

— Похоже на то, — сказал Макс, сверяясь с часами. — Сорок семь минут. Внутри — три тысячи лет. Я даже не буду это считать.

Лёха рухнул на диван, как мешок с чем-то тяжёлым и очень уставшим.

— Я пил брагу ольмеков, — сообщил он потолку. — Я чуть не стал валютой. Меня чуть не принесли в жертву. И всё это — из-за шоколада.

— Из-за *любопытства*, — поправила Соня, садясь на табурет и подтягивая к себе коробку конфет. — Шоколад тут ни при чём. Шоколад — потерпевший.

Егор уже листал что-то в телефоне, потому что некоторым людям даже после трёх тысяч лет путешествия нужно немедленно восстановить хронологию.

— Слушайте, — сказал он. — Мы же не досмотрели. Самое интересное — впереди. Испания. Пятнадцать двадцать седьмой год. Кортес привозит бобы, и там начинается...

— Егор, — предупреждающе сказала Соня.

— ...начинается *революция вкуса*, — договорил Егор, ничуть не смутившись. — Испанцы убрали из рецепта перец и соль, добавили мёд, тростниковый сахар, корицу, мускатный орех, анис. И стали подавать горячим, потому что Европа холодная, а холодный шоколад в холодной Европе — это просто грусть.

— Ну хоть кто-то из нас чему-то научился, — вздохнула Соня.

— Дальше — Испания ревниво хранила рецепт почти сто лет, — продолжал Егор с упованием человека, которого наконец-то никто не перебивает. — Начало семнадцатого века — шоколад потихоньку расползается по другим странам. Восемнадцать двадцать восьмой — голландец Конрад ван Хаутен изобретает пресс, который отжимает какао-масло. Остаётся спрессованный жмых, его сушат, мелют — и получается какао-порошок. Он растворяется в воде, в молоке, годится для кулинарии. Революция.

— А до этого? — спросила Алиса.

— А до этого шоколад был *напитком* для богатых. Роскошью. Церемонией. А ван Хаутен сделал его *доступным*. С этого момента шоколад перестал быть ритуалом и стал продуктом.

Лёха приподнялся на локте.

— Погоди. То есть он превратил чоколатль в... в то, что мы сейчас едим?

— Не сразу. Сначала, в тысяча восемьсот сорок седьмом, английская компания *JS Fry & Sons* смешала какао-порошок с какао-маслом и сахаром — и получилась первая шоколадная плитка. Твёрдая. Та, которую можно держать в руке.

— А молочный? — не удержалась Алиса. — Молочный-то откуда?

Егор улыбнулся так, как улыбаются люди, которых наконец-то спросили именно то, что нужно.

— Тысяча восемьсот семьдесят пятый. Швейцарец Даниэль Петер. Он добавил в шоколад молоко — и получился молочный шоколад. С этого момента, по сути, шоколад стал *тем самым*. Привычным. Массовым. Любимым.

В кухне стало тихо.

Соня откусила конфету.

— Знаете, — сказала она, — теперь я на них смотрю иначе. Вот на эти. На простые. На дешёвые. На те, которые мы едим, не задумываясь. И понимаю, что это... буквально несколько тысяч лет вот этого всего. Брага. Ритуал. Валюта. Перец чили. Жрецы. Монтесума. Пятьдесят чашек. Пресс. Плитка. Молоко.

— И кот, — добавила Алиса.

Все обернулись.

Кот сидел на холодильнике. В той же позе, в которой его оставили. В той же тельняшке. Хвост свешивался вниз и чуть подрагивал.

— Что? — сказал он.

— Ты нас вытащил, — сказала Алиса. — Ты нас *реально* вытащил. Там, на площади. Если бы не ты, нас бы либо принесли в жертву, либо обменяли, либо...

— Либо, — согласился Кот, — но я бы предпочёл не уточнять. У меня, знаете ли, и без вас дел хватает. Примус, между прочим, до сих пор не починен.

Макс, до этого молчавший, поднял на него глаза.

— Ты знал, куда идти, — сказал он ровно. — Там, за какао-деревьями. Ты знал. Откуда?

Кот посмотрел на него долгим, спокойным, неожиданно серьёзным взглядом. На секунду в нём проступило что-то такое, чего наши герои раньше не видели — старое, большое, очень уставшее и очень доброе. Что-то, что видело слишком много, чтобы об этом говорить вслух.

— Я много где был, — сказал он наконец. — И много чего видел. Котам вообще открывается больше, чем людям, потому что мы не торопимся и не спорим о фактах.

— Егор, — фыркнула Соня.

— Я не про тебя, — мягко отозвался Кот. — Я про всех.

Он прыгнул с холодильника. Приземлился мягко, как будто весил ровно столько, сколько нужно. Прошёл по кухне, задержался возле миски с остатками рыбки, съел её — не спеша, с достоинством. Потом сел у двери.

— Ну что, — сказал он. — Спасибо за компанию. Было... интересно. Особенно момент с кроликом.

— Ты же сам сказал, что не поедешь? — напомнила Алиса.

— Я сказал, что *в следующий раз* — без меня.

— Мы ещё не ездили в следующий раз.

— А вот это вы учтите, — ответил Кот. — Потому что следующий раз будет обязательно. И я, скорее всего, опять поеду. И буду ворчать. И, скорее всего, опять вас вытащу.

Он помолчал.

— Но примус я тогда возьму с собой. Это единственное, что я усвоил за сегодня.

Все засмеялись. Даже Егор, который в этот момент как раз собирался сказать, что, вообще-то, примус — это не совсем то, что нужно в джунглях, но передумал.

Кот встал. Потянулся — долго, основательно, так, что хрустнуло всё, что могло хрустнуть. Посмотрел на них ещё раз. И вышел.

Дверь за ним закрылась без всякого драматизма. Просто закрылась. Как закрываются обычные двери за обычными котами, которые ходят по своим обычным кошачьим делам.

И только спустя минуту Соня сказала:

— Дверь была заперта.

Все посмотрели на дверь.

Потом на окно — оно тоже было закрыто.

Потом друг на друга.

— Ладно, — сказал Макс и посмотрел на часы. — Это уже за пределами моего планирования.

Лёха потянулся к коробке конфет, взял одну — молочную, с орехом, — развернул и откусил. Прожевал. Поднял глаза.

— Слушайте, — сказал он. — А откуда вообще взялся кофе?

Повисла пауза. Густая, как свежий шоколад.

Соня очень аккуратно закрыла коробку конфет. Макс очень аккуратно положил часы в карман. Егор очень аккуратно открыл рот — и, вопреки всем законам природы, ничего не сказал.

Алиса, глядя на всё это, улыбнулась.

— Знаете, — сказала она, — я, кажется, знаю, куда мы отправимся в следующий раз.

— Нет, — сказала Соня.

— Определённо нет, — сказал Макс.

— Вообще-то, если разобраться, — начал Егор, — кофе пришёл из Эфиопии, и был пастух по имени Калди, и козы, и...

— Егор.

— ...и вот *там* точно лучше не появляться без прививок, — закончил Егор и сам себе удивился, что закончил.

Соня откинулась на спинку стула. Посмотрела на потолок. Потом на конфеты. Потом — на своё отражение в тёмном окне.

— Ладно, — сказала она. — Но коробку я теперь прячу на *самую верхнюю* полку.

— Ты её и так туда прятала, — напомнила Алиса.

— Значит, буду прятать *в ящик*, — отрезала Соня. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.